

нас“. Если все сомнительно, то лучше всего держаться учения предков и поклоняться богам, в почитании которых воспитали их родители; притом же, благодаря этой народной древней религии, Рим стал могущественным государством. Цецилий нападает на христиан, характеризуя их, как людей грубых и невежественных в науках и искусствах, которые по своему невежеству не могут рассуждать о предметах, вызывавших на размышления философов всех времен и направлений. Христиане — это „народ скрытный и бегущий от света, немой на людях и болтливый по закоулкам“. Они поклоняются преступнику, присужденному к высшему наказанию, и чтут, как святыню, орудие его казни — крест, т. е. почитают то, чего они сами заслуживают. Цецилий обвиняет христиан в убийстве младенцев и в нравственной распущенности.

На длинную речь Цецилия возражает Октавий, именем которого, в подражание диалогам Платона, названо сочинение. Речь Октавия, содержащая апологию христианства, аргументированную ссылками на греческую и римскую философию и литературу, занимает большую часть книги, причем Октавий не только защищает христиан от клеветы и возвеливает их нравственное достоинство, говоря, что тот среди них считается наиболее религиозным, кто более справедлив; он старается отнять у классической философии и литературы то абсолютное значение, которое им придавалось. Цецилий, например, называет Сократа „главою мудрости“ — *sapientiae princeps*, Октавий называет его „аттическим шутом“ — *scurra atticus*; он принижает Гомера, указывая, что этот „пресловутый, расхваленный и увенчанный“ поэт изгнан Платоном из его воображаемого государства; напоминает *bon mot* Демосфена, относящееся к Пифии, что она — „филиппствует, так как он знал ее фальшивые ответы“ (*responsa simulata*).

В результате убеждений Октавия, Цецилий признал себя побежденным: *nam ut ille mei victor est*, — говорит он про Октавия, — *ita ego triumfator erroris* — „так как он мой победитель, то я — триумфатор заблуждения“.

Привожу из апологии Октавия текст, содержащий те же вопросы, которые поставлены Владимиром Мономахом в комментируемом нами отрывке.

Nec recuso, quod Caecilius adserere inter praecipua conisus est, hominem nosse se et circumspicere debere, quid sit, unde sit, quare sit: utrum elementis concretus ac concinnatus atomis, an potius a Deo factus, formatus, animatus, quod ipsum explorare et eruere sine universitatis inquisitione non possumus, cum ita cohaerentia, connexa, concatenata sint, ut nisi divinitatis rationem diligenter excurreris, nescias humanitatis, nec possis pulchre gerere rem civilem, nisi cognoveris hanc communem omnium mundi civitatem, praecipue cum a feris beluis hoc differamus, quod illa prona in terraque vergentia nihil nata sunt prospicere, nisi pabulum. Nos, quibus vultus erectus, quibus suspectus in caelum datus

Я не отрицаю того, на что среди других доводов опирался Цецилий, что человек не знает себя и должен рассмотреть, что он такое, откуда он и как создан: составлен ли он из элементов и сложен из атомов или, скорее всего, создан, образован и одухотворен богом. Мы не можем исследовать и раскрыть самих себя, не исследуя всеобщего начала. Ведь так все в нас соединено, связано и сцеплено, что если ты старательно не исследуешь божественного разума, ты не знаешь человеческих свойств и не сможешь ни вести хорошо гражданских дел, ни познать мира; в особенности ты не узнаешь, чем мы отличаемся от животных, которые, будучи наклоненными и обращен-